

Европейский империализм берётся за оружие

Двадцать лет назад война США *по выбору* в Персидском заливе ознаменовала качественный скачок в глобальных отношениях. Своей атакой на энергетическую артерию США ответили на империалистическое вторжение Китая и прорыв в европейском процессе в виде единой валюты, причём произошло это в тот момент, когда Европа занялась созданием *европейской обороны* в ходе подготовки проекта конституции. Появление держав континентального масштаба стало новым фактором мирового противостояния. Перед европейской буржуазией встал вопрос о государственных инструментах *империалистической демократии* в новом масштабе власти; также и для революционной партии вопрос государства и стратегия должны были рассматриваться на новом уровне, означая пролетарскую оппозицию европейскому империализму и интернационалистское сражение за создание ленинистской партии на Старом континенте.

Эти особенности новой фазы найдут подтверждение спустя несколько лет в ходе *кризиса послевоенного порядка*, спровоцированного Китаем. В 2017 году провозглашение Китаем своих военных планов откроет новый цикл *«переворужения и колоссальной, беспрецедентной напряжённости»*, предвещая *«невиданный скачок»* в гонке перевооружения всех держав. Вопрос *империалистической демократии* в Европе вернулся как раз вовремя, чтобы продемонстрировать задержку с формированием инструментов общей внешней и военной политики, которое оказалось заморожено после событий 2003 года. Нынешнее *ускорение* Европы на двух фронтах одновременно – военных расходов и ядерного сдерживания – стало ответом именно на эту динамику и ещё больше разгоняет *кризис порядка*. К перевооружению призывают политическая верхушка европейского империализма, причём Берлин, Париж и Лондон синхронизируются в своих инициативах: Германия ускоряется на фронте военных расходов, Франция предлагает совместное использование ядерного оружия, а Британия идёт на сближение с ЕС, и эта комбинация говорит о серьёзном сдвиге. На момент написания статьи можно выделить по меньшей мере четыре стороны этого вопроса.

Первый уровень анализа касается военных расходов. Здесь необходимо оговориться, что к публичной информации о расширении военного аппарата нужно относиться как к *политическим цифрам*: поскольку война – это продолжение политики иными средствами, планы перевооружения представляют собой, прежде всего, инструмент для выстраивания стратегических отношений. Это карта, которую ЕС выкладывает на стол и как средство сдерживания, и как угрозу своим противникам, и как возможный козырь при пересмотре альянсов, и даже как стратегическое предложение, если вспомнить, как восприняли европейское перевооружение в Азии. Тем более если учесть его беспрецедентный масштаб. Пакет “ReArm Europe”, представленный Еврокомиссией и единогласно одобренный странами-членами, предполагает выделение не менее 800 млрд евро в течение пяти лет, четыре пятых из которых – национальные государственные долги, освобождённые от маастрихтских ограничений, и одна пятая – кредиты государствам, гарантированные европейским долгом; на него частично накладывается конституционная реформа немецкого долгового тормоза, касающаяся более чем 1,5 трлн евро в течение десятилетия, из которых порядка трети пойдёт на обновление инфраструктуры, а остальное – на национальные военные расходы Германии, которые на данный момент составляют реальную критическую массу европейского перевооружения.

Текущие военные расходы ЕС уже удвоились в период с 2017 по 2024 год, и с нынешней тенденцией они вскоре достигнут 3 % ВВП, что соответствует уровню 1970-х годов, но в современных масштабах. В мировом масштабе это даёт переход от десятой к пятой части глобальных военных расходов, то есть военный потенциал приходит в соответствие с экономическим весом. Само собой разумеется, что затем в рамках ЕС будет происходить перераспределение долей отдельных государств, причём перевооружение Германии, Польши и прочих изменит старое равновесие. Наконец, выпуск долговых обязательств для перевооружения на рынках капитала станет ещё одним полем противостояния как внутри Европы, так и за её пределами.

Второй аспект касается темпов европейского процесса. Очевидно, что Берлин навязывает ускорение: заявления Мерца, который скорее всего станет будущим канцлером, о

независимой от США оборонной политике; то, с какой скоростью уходящий парламент разобрался с выделением средств на перевооружение; визит Мерца в Париж и его присутствие в кулуарах Совета ЕС; немедленный ответ на призывы Эмманюэля Макрона к совместному использованию ядерного оружия. Стратегическое выравнивание Рейнской оси, которая сразу после немецких выборов вернулась к ключевой проблеме континентального сдерживания, задаёт темп европейскому перевооружению.

Можно заметить, что Берлин придаёт особый политический вес одному из аспектов своей экономической мощи: за всё время между финансовым кризисом и пандемией немецкий долг оставался на уровне 60 % ВВП, в то время как Рим прибавил 40 пунктов, Лондон и Париж – около 50, а Вашингтон – 60. Принципиальная строгость в бюджете позволяет сегодня справиться с перевооружением за считанные недели. С другой стороны, нельзя не заметить, что даже в самих немецких дебатах встречаются упреки в определённом экономистском гипнозе. В тот же период, пишет Николас Буссе во *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, сокращения расходов обезоруживали бундесвер, а Берлин забыл про *realpolitik*. Нынешний поворот – это в том числе эффект накопленных проблем.

Срочный характер парижского и лондонского саммитов по Украине, а также неофициального и внеочередного Совета ЕС 6 марта, где были заранее озвучены моменты из готовившейся “белой книги” Комиссии по обороне, заставляет обратиться к планам европейских держав, к третьему вопросу. Саммиты с ограниченным числом участников, результаты которых затем получили одобрение всех 27 стран и исполнительной власти ЕС, продемонстрировали потенциал многоскоростной Европы. Лук ван Мидделаар из Брюссельского института геополитики подчёркивает неформальный характер внеочередных совещаний, которые не регулируются договорами и не имеют обязательной юридической силы, но именно поэтому подходят для решения чрезвычайных ситуаций, находя баланс между необходимостью принимать быстрые решения и стремлением учитывать интересы множества участников, в той или иной степени представляющих и тех, кто остался за рамками переговоров.

После формата “Веймар плюс”, сохраняющего ведущую роль Парижа, Берлина и Варшавы при участии Рима и Мадрида, появился формат “5+1”, подчёркивающий вклад Великобритании. Очевидно, что на узком поле оборонной политики Лондон вновь включается в игру, восстанавливая баланс “трёх опор” европейского “табурета” и, по крайней мере на данный момент, оставив роль проводника американского влияния. В Европе Лондон может уравновесить масштабное немецкое перевооружение и монополию Франции как единственной ядерной державы ЕС.

В отсутствие Испании заговорили и о формате “Е5”. *Le Monde* видит в нём «зачаток Европейского совета безопасности», и именно по этой причине трудно представить, что Мадрид долго останется в стороне. Комбинация различных форматов саммитов – это практический ответ на давний вопрос о том, должна ли Европа развиваться по межправительственному или наднациональному пути. Однако истинная загадка европейской *империалистической демократии* заключается в том, как будут сочетаться между собой силы, охватывающие многоуровневую структуру власти – национальную, федеральную и конфедеральную. В этом смысле реальная траектория развития европейской оборонной политики будет определяться именно диалектикой между встречами в узком кругу, Европейской комиссией и Советом ЕС.

Всё же *Le Monde* задаётся вопросом, напоминал ли европейский саммит в Лондоне – с участием Канады и Турции – скорее версию НАТО без США или усиленный “европейский столп” альянса? На деле концепция двух столпов сегодня сталкивается с растущими сомнениями в надёжности американской опоры, и тот же Мерц, критикуя надёжность американского зонтика и нынешнюю форму НАТО, делает ставку на европеизацию альянса, который завтра может обратиться к Вашингтону с позиций большей взаимности или трансатлантического паритета. В какой-то момент, как говорилось, Европа вооружала Украину, чтобы вооружить саму себя; теперь, по мнению наиболее атлантистских кругов, Европа должна вооружаться, чтобы «спасти НАТО» – при этом укрепление политической и военной составляющей ЕС внутри атлантической рамки всё так же остаётся игрой на вторых ролях.

Начало европейского противостояния в области ядерного сдерживания – четвёртый аспект. На стратегическом поле атомного скипетра слова, заявления и даже бездействие политического руководства держав являются частью самого процесса сдерживания; и это в равной степени относится как к самовредительству Америки, разрушающей доверие к надёжности американской защиты, так и к качественному скачку в европейской дискуссии, которая теперь ведётся на уровне глав государств. Мерц и Макрон начали беспрецедентный «стратегический диалог» о расширении французского ядерного зонтика, это же предложение Мерц адресовал и Лондону; в свою очередь, Варшава ведёт «серьёзные переговоры» с Парижем.

Атлантический кризис высветил дремлющие противоречия. Британская пресса раскрывает степень зависимости сил сдерживания Лондона от США: это чисто *оперативная* автономия, которую Лондон заинтересован развивать через диверсификацию с континентом. Французская пресса, напротив, видит в вовлечении Великобритании профилактический ход Берлина в отношении зависшего вопроса о преемнике Макрона в 2027 году, когда президентство – и ядерная “кнопка” – может оказаться в руках крайне правых или максималистских левых. Париж празднует голлистское пробуждение Европы, спеша указать на то, что «совместное сдерживание» касается не вопроса принятия *решения*, а защиты атомного зонтика: окончательное усмотрение по использованию Бомбы остаётся *абсолютно суверенным*.

Это только начало чрезвычайно сложной дискуссии, которая, тем не менее, развивается «со скоростью света», предупреждает Брюно Тертрэ: уже сами заявленные намерения держав становятся первым актом сдерживания; следующим шагом может стать совместное политическое заявление, за которым последуют совместные учения, и так далее – вплоть до гипотетического размещения боеголовок в других странах. Учитывая по сути политический характер первых шагов, этот процесс станет своего рода лакмусовой бумажкой, на которой можно будет проверить, насколько быстро европейский империализм способен реагировать на *кризис порядка*. Для всех политических формирований буржуазии ядерная бомба – после единой валюты и перевооружения – станет следующим тестом на “еврорастворимость”, проверкой на совместимость с европеистским консенсусом крупной буржуазии: за монетой наступает очередь шпаги и ядерного скипетра.

В целом стратегическое перевооружение такого масштаба не может не вызвать ответную реакцию со стороны Америки, а также со стороны России в архитектуре европейской безопасности. В 1963 году Вашингтон отреагировал на Елисейский договор между Парижем и Бонном “годом атлантистов”, потребовав включить в ратификацию договора атлантистскую преамбулу. Поспособствовал этому именно Джон Кеннеди: по мнению его биографа и советника Теда Соренсена, поездка Кеннеди в Европу со знаменитым заявлением «*Ich bin ein Berliner!*»¹ стала символическим ответом на декларацию франко-германской автономии. Возможен ли сегодня *год атлантистов*, распространяющийся на европейские отношения, как это было в 2003 году? На данный момент американские дебаты исключают возможность того, что ответ, как и раньше, будет исходить от президента. Дэвид Сэнджер в *New York Times* обобщает: за 50 дней, без каких-либо стратегических обоснований администрация Трампа подорвала основы системы, которую Соединённые Штаты кропотливо возводили на протяжении восьмидесяти лет. Дин Ачесон озаглавил свои мемуары “Present at the creation”²; сегодня в Вашингтоне чувствует себя «*присутствующими при разрушении*». Уныние атлантистов ощутимо.

В Белом доме есть те, кто всерьёз задумывается о том, чтобы прибегнуть к угрозам в адрес союзников, заставляя их платить за поддержание глобального порядка – при этом не производя впечатления слабости. Дональд Трамп говорит, что «*ЕС был рождён для того, чтобы обманывать США*», но он взялся за политический демонтаж альянса, который должен был помешать стратегической автономии Европы. Джон Болтон со страниц *Wall Street Journal* обращается к сторонникам НАТО по обе стороны Атлантики – в Сенате США, а также в «*Новой Европе*» Дональда Рамсфельда» – с призывом «*спасти*» Альянс от Трампа и «*Франции и Германии, главной проблемы*»: требования “европейского столпа” разъедают Альянс изнутри и дают ЕС возможность отделиться от Америки. Наконец, по мнению Фариды Закарии, Трамп не представляет американский «*консенсус*». Если это так, то следует ожидать реакции, но, возможно, не раньше промежуточных выборов в 2026 году.

Тем временем европейское перевооружение находит отклик в Азии. Почти незамеченным остался визит Урсулы фон дер Ляйен в Индию, где было принято важнейшее решение о завершении амбициозного соглашения о свободной торговле между ЕС и Индией к 2025 году. По мнению Раджи Мохана, Европа была «главным недостающим звеном» индийской многовекторности. Согласно *Business Standard*, перевооружение стало дополнительным импульсом для этого: «Более решительная Европа, меньше убеждённая, что её место в тени Соединённых Штатов, – это партнёр, за которого стоит побороться».

Лишь вопрос времени, когда все державы будут считать европейское перевооружение одним из новых факторов кризиса порядка. В Азии гонка будет ядерной.

Март 2025 г.

¹ - «Я - берлинец!»

² - «Присутствовал при создании».